

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин

Вор в лесу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274032

Аннотация

Мард, профессиональный вор, в тяжкий период жизни показывает своему напарнику пергамент с описанием места, где спрятано золото...

© *FantLab.ru*

Александр Степанович Грин Вор в лесу

На окраине Гертона жили два вора: Мард и Кароль – с наружностью своей профессии. Мард имел мрачный кривой рот, нос клювом и стриженные рыжие волосы, а Кароль был толстогуб, низколоб и жирен.

Недавно оба приятеля вышли из тюрьмы и еще не принимались ни за какие дела. Кароль пользовался милостями одной базарной торговки, а Мард подрабатывал у вокзалов и театров, всучивая программы представлений или перетаскивая чемоданы. Они нуждались и зверски голодали подчас, но память о плетках надзирателей была еще свежа у них, так что воры боялись пуститься на новое преступление.

Они выжидали выгодный, безопасный случай, но такой случай не представлялся.

Иногда Мард по целым дням валялся на койке, заложив руки под голову и размышляя о жизни. Ему было сорок лет: шестнадцать лет он провел в тюрьмах, а остальное время пил, дрался и воровал. Ему предстояло умереть в больнице или тюрьме.

Скоро овладела им безысходная грусть, и Кароль вынужден был кормить своего приятеля, ругая его при том собакой

и дармоедом, на что Мард после страшных проклятий заявлял:

– Не беспокойся. Рано или поздно я заплачу тебе.

Прошла зима, в течение которой Кароль совершил – один – две удачные кражи, но все пропил сам, сам все проиграл в карты и к весне очутился не в лучшем положении, чем Мард. Оба питались теперь гнилыми овощами, что выбрасываются рыночными торговцами, и мечтали о мясе, булках, водке. Все распродав, вору остались босые, в лохмотьях.

От голода и нервности мысли Марда приняли странное направление. У него появилась идея придумать что-нибудь такое заманчивое, хотя бы неосуществимое, вокруг чего можно было бы собрать несколько человек с деньгами, – хорошо поесть, поправиться, отдохнуть.

Однажды, бродя по улицам, Мард нашел четырехугольный листок пожелтевшего пергамента, выпавший, вероятно, из старой книги. Ничего не говоря Каролю, Мард выпросил у прохожих немного денег, купил чернил, перо и забрался в дальний угол грязного трактира за пустой стол. Ему предстояло сочинить план мнимого клада.

Мард развел чернила водой, сделав их совсем бледными, и написал на пергаменте:

«Вверх по реке Ам от Гертонa, шестьсот миль от Покета. По устью четыре мили. За скалой озеро; третий песчаный мыс. Два камня возле воды; первый камень в полдень даст тень. Между концом тени и вторым камнем по середине ли-

нии вниз пять футов 180 тысяч долларов золотом завязаны в брезент Г.Т.К. и, то же, Д.Ц. Они не знают».

Первый раз за долгое время на мрачном лице Марда растрескалось подобие улыбки, когда он перечитал свое сочинение.

Сложив пергамент несколько раз, вор сунул эту записку в подошву своего стоптанного башмака, надел башмак и ходил так, не разуваясь, неделю, отчего документ сильно слежался, даже протерся по сгибам.

Тогда Мард разбудил рано утром Кароля и сел к нему на кровать.

– Слушай, Кароль, – сказал Мард в ответ на сонную брань сожителя, – я решил поделиться с тобой своим секретом. В тюрьме два года назад умер один человек, с которым я был дружен, и вот этот человек – Валь Гаучас звали его – передал мне документ на разыскание клада. Смотри сам. 180 тысяч долларов.

Кароль ожесточенно сплюнул, но, прочтя записку, поддался внушению искусной затеи, начав, как водится, задавать множество вопросов. Однако Мард хорошо приготовился к испытанию и, толково ответив на все вопросы, окончательно убедил Кароля, что лет десять назад на реке Ам был ограблен пароход, везший большие суммы денег для банка в Гель-Гью; нападающие подверглись преследованию, но успели зарыть добычу, а сами после того были все перебиты, кроме одного Валь Гаучаса. Валь Гаучас вскоре попал в тюрьму, где

и умер.

Кароль был недоверчив, но, по роковому свойству людей недоверчивых, раз поверив во что-нибудь, готов был защищать свою уверенность с пеной у рта. Охотнее всего люди верят в неожиданную удачу. Воображение Кароля распалось: Мард поддакивал, горячился, и воровским мечтам не было конца.

– Один я не мог бы ничего сделать, – признался Мард, – так как я не умею доказывать, увлекать; и нет у меня знакомств на реке. А у тебя есть. Так вот – достань катер или большую лодку; придется владельца судна взять в долю.

Кароль побежал в веселый дом, сгоряча уговорил тек-то-хозяек дать в долг пять долларов, купил водки, сигар, еды и досыта угостил приятеля, завалившегося после того спать; затем Кароль ушел.

Три дня он не появлялся. На четвертый день Кароль пришел с высоким веселым человеком в тяжелых сапогах – хозяином парового катера, Самуэлем Турнай, согласившимся дать судно для разыскания клада. У Турная водились деньги. Он был человек положительный и рассуждал резонно, что ради воздушной пустоты два опытных вора не устремятся к глухим верховьям реки.

Видя, как быстро, уже без его участия, движется развитие замысла, Мард немного опешил. Однако, представив всю прелесть спокойной, сытой жизни на катере в течение трех-четырёх недель, окончательно положился на свою изворот-

ливость и столько наговорил Турнаю, что тот выкурил подряд четыре сигары.

Поздно ночью три человека решили дело: Турнай давал катер, ехал сам, давал продовольствие, табак, виски и приобретал для воров хорошую одежду, а также оружие: револьверы и винтовки.

На другой же день в пять утра катер «Струя» направился из Гертона вверх по реке Ам. Некоторая путанность записки, составленной Мардом, не обескураживала Турная: он знал хорошо реку, и, по его твердому убеждению, фраза «по устью четыре мили» означала приток Ама, Декульт, – узкую быструю речку со скалистыми берегами.

– Декульт именно в шестистах милях от Гертона, – говорил Турнай, – но не от Покета; зачем упомянут Покет, неизвестно; должно быть, чтобы сбить с толку непосвященных. Меня не проведешь. Если не Декульт, то Мейран, впрочем, мы обследуем, если понадобится, все речки. Карта со мной.

За время путешествия среди живописных берегов реки Мард отдохнул, поправился; он много ел, вдоволь пил водку и спал, как младенец в утробе матери. В разговорах о кладе он приводил тысячи азартных, тонких предположений, рассуждал о предстоящих покупках и удовольствиях. Однако, чем дальше подвигался катер к Декульту, по берегам которого действительно были озера, тем чаще Мард задумывался.

«В конце концов, на что я надеюсь? – спрашивал себя Мард. – Пройдет еще месяц, золота нигде не окажется, и ме-

ня избыют до полусмерти, а может быть, убьют, думая, что я хотел воспользоваться судном лишь для того, чтобы проехать к месту клада, которое скрыл от них».

Итак, ничего не произошло; затея не повернулась как-нибудь неожиданно выгодно; катер плыл; Кароль и Турнай стремились отыскать несуществующее богатство.

«На что я надеялся?» – повторял Мард, сидя ночами у борта и рассматривая дикие темные берега.

За два дня до прибытия в устье Декульта Мард заболел. Ночью он метался, стонал; его рвало и трясло. Чрезвычайно обрадованные случаем избавиться от третьего дольщика, приятели стали уговаривать Марда слезть на берег.

– Так как, – говорил Кароль, – наверное, у тебя тиф или воспаление мозга. Дадим палатку, ружье; все дадим. Ты поправляйся и жди нас. Твоя доля будет тебе вручена, когда вернемся с золотом.

Для приличия Мард впал в угрюмость, заставил компаньонов поклясться, что его не бросят и не обманут, и остался на берегу в лесу, снабженный палаткой, ружьем, одеялом, припасами и топором.

Когда катер удалился, Мард встал, оглянулся и улыбнулся.

– Опять можно жить спокойно, – сказал он, закуривая трубку и выпивая стаканчик рома, – а хину я принимать не буду.

Сняв палатку, Мард перенес свое имущество мили на полторы дальше, к отлогому песчаному берегу, и начал жить,

как дачник Робинзоновой складки. Он убивал лосей, коз, уток, ловил рыбу и месяца через полтора стал так здоров, силен, что начал подумывать о возвращении.

Казалось, катер пропал без вести, – Мард более не видел его.

– Наткнулись на камень где-нибудь, – объяснял его исчезновение Мард, – или проплыли обратно ночью, когда я спал.

Лес на берегу состоял из огромных, высоких и прямых деревьев. Мард срубил несколько штук, очистил их от ветвей и скатил рычагами на воду, где увязал стволы вместе отмоченной корой кустарника. Эта работа понравилась ему; медленное падение деревьев, самый звук топора – звонкое, сочное шелканье – и отчетливые линии пристраивающихся один к одному на веселой воде свежих стволов, – вся новизна занятия пленила Марда. Начал он подумывать, что неплохо было бы сбить большой плот, чтобы продать его по дороге долларов хотя бы за двадцать. Назначив себе сто штук, Мард, однако, увлекся и навалил двести, но когда они вытянулись плотом на песке, не стерпел и прибавил еще пятьдесят.

Никто ему не мешал, не лез с советами, не подгонял, не останавливал. Изредка на речной равнине чернел дым случайного парохода или скользил парус неизвестных промышленников, но большей частью было пусто кругом.

Между тем началась дождливая пора. Ам разлился и снял плот Марда с песчаной отмели. Мард сделал из тонкого бревна руль, поставил свою палатку и, отрубив причал, двинулся

вниз по течению. Почти непрерывно лил дождь, ветер волновал реку, течение которой усилилось благодаря прибыли воды, так что Мард три дня не спал, все время работая рулем, чтобы плот несся посередине реки. Питался Мард сушеной рыбой, заготовленной им еще летом, и желудевым кофе.

К вечеру четвертого дня плавания Мард завидел селение и начал подбивать плот к берегу. Вокруг села заметил он другие плоты, готовые для отправки. Едва его плот поравнялся с домами села, как с берега выехала лодка, управляемая тремя бородатыми великанами; они причалили к плоту и взошли на него, тотчас предложив Марду продать плот. Не зная, что его плот состоит из ценных пород, Мард весело подумал, что хорошо бы взять долларов пятьдесят, и, убоясь, не покажется ли цифра очень большой, начал мяться, но один бородач, хлопнув его по плечу, вскричал:

– Что думать! Берите триста, и дело кончено!

Мард согласился, между тем плот стоил вдвое дороже. Плотовщики сосчитали бревна, уплатили деньги и пошли с Мардом в местную лавку, где вор купил приличное платье взамен изношенного и выпил с торговцами. Ему сообщили, что на другой день отплывает в Гертон парусное судно; Мард пошел к хозяину, уговорился с ним и за небольшую плату стал пассажиром.

«Теперь я уплачу Каролю и Турнаю все их расходы на меня, – размышлял Мард, помогая матросам чистить трюм, нагруженный свиньями, – конечно, они меня выругают, но мы

попьянствуем, и дело с кладом забудется».

Судно плыло в Гертон двадцать шесть дней. Приехав, Мард снял номер в гостинице, побрился, выпил и отправился гулять по улицам гавани. Задумчиво шел он, не зная, сейчас ли искать Кароля, или отложить на завтра, как вдруг быстрая рука схватила его плечо.

– Мард!

– А! Кароль!

Кароль задохнулся, догоняя Марда. Они стояли улыбаясь; Мард несколько смущенно и весело, а Кароль – колюче и хитро.

– Так вы бросили меня?!

– Едва живые вернулись. Ты нашел золото?

– Дурак ты, Кароль, – сказал Мард, – я нарубил плот и продал его. О, были приключения. Двести пятьдесят бревен!

– Что же мы стоим? Идем в «Чертов глаз»! Угощай.

– Есть, – согласился Мард. – А где Турнай?

– Турнай нас ждет.

Оживленно рассказывая о своих похождениях, Мард с Каролем пришли в грязный притон и заняли, по совету приятеля, маленькую комнату во дворе трактира. Едва они сели, как вошли трое парней. Чувствуя недоброе по их лицам, Мард встал из-за стола, но Кароль ударом в глаз сбил его с ног. Мард упал; четверо сели ему на руки и ноги.

– Сволочи! – сказал Мард.

– Где золото? – начал Кароль допрос. – Ты все подстроил.

Высадился, где тебе было надо, под видом, что болен.

– Опять ты дурак! – закричал Мард. – Я хотел сам дать тебе денег – сто долларов. Клада не было! Я выдумал это! Я изголодался, понимаешь? Я чудил от голода! Говорят тебе, что я сбил плот и продал его!

Марда начали бить. Его лицо превратилось в кровавое мясо, сердце хрипело, глаза ничего не видели, сломаны были два ребра, но в передышках, обливаемый водкой, не попадавшей в его рот, для оживления, Мард упорно твердил:

– Клада не было. Вот клад: мозоли мои!

Допрос и истязания длились три часа. Мард обеспамятел, стонал и, наконец, собравшись с силами, плюнул Каролю в лицо.

Его повесили в чулане за комнаткой, продев веревку за потолочную балку. Когда Кароль схватил за ящик, на котором стоял, шатаясь, Мард, умирающий прохрипел:

– Не вовремя убиваешь ты меня, Кароль. Я хотел... делать плоты... хотел... и тебя взять.